

Махаил ГАУЗNER Не снижаться!

Маршал авиации Новиков был рассержен не на шутку: "Боевые офицеры, а ведут себя, как мальчишки! Ухарство своё показывают, в героев играют! Небось мечтают, как Чкалов, под мостами пролетать? Мой приказ, видите ли, для них не обязателен! А ведь рискуют не только собой и экипажем, но и самолётом! За такие безобразия не награждать надо, а званий лишать!"

Командующий ВВС Красной Армии, обычно по-военному сдержанный, бушевал не зря. Дело в том, что доказательством результатов бомбометания и огневого поражения были только качественные аэрофотоснимки. На их основании оценивали выполнение боевой задачи и, поощряя лётчиков, представляли к правительственным наградам. Стремясь их получить, пилоты увлекались и слишком неосмотрительно снижались, попадая под прицельный огонь немецких зениток. Молодые, заводные, амбициозные парни в азарте боя не всегда отдавали себе отчёт, что это — игра со смертью. "Всего на несколько сотен метров ниже — и получи чёткий снимок, который обеспечит мне боевой орден, очередное звание. Так и Героем можно стать! Рискну! Где наша не пропадала!" Поэтому в последние месяцы увеличилось количество бомбардировщиков и штурмовиков, сбитых немцами, и Новиков издал приказ, категорически запрещающий нарушать минимальную высоту полёта.

Недавно Верховный по телефону сказал ему: "Товарищ Новиков, много самолётов теряете. Мы в Ставке этим очень недовольны. Не исправите положение — будем делать выводы". Маршал хорошо знал, что могло последовать за такими словами Сталина, об этом даже думать не хотелось. Поэтому он

резко сказал стоящему перед ним полковнику Семёнову: "Вместо представления этих лётчиков к награде подготовьте приказ об их наказании. Отстранить от полётов, а сделавших наиболее чёткие снимки разжаловать, чтобы отбить охоту так снижаться! Приказ огласить во всех эскадрильях".

"Разрешите доложить! — сказал Семёнов. — На самолётах этой эскадрильи установлены новые экспериментальные аэрофотоаппараты. Высотомеры самолётов опломбированы НИИ ВВС. Съёмка производилась не ниже разрешённой высоты, а иногда и намного выше, это зафиксировано в отчёте об испытании аппаратов. В штабе эти данные проверены".

"Так что же получается? Новые аппараты позволяют оставаться на высотах, где поражение самолётов зенитками менее вероятно, и при этом можно получать более качественные снимки? А ведь тогда и воздушная разведка будет давать нам больше информации. Полковник, это же замечательно!"

Настроение маршала сразу улучшилось, он встал из-за стола, и на его усталом лице впервые за долгий день появилась довольная улыбка. "Какие молодцы заводчане! Где сохранили эти аппараты?"

"На заводе Наркомата вооружения № 356 в Свердловске".

"Подготовьте от имени ВВС представление о награждении создателей аппаратов. Пусть будут и боевые ордена — неважно, что формально не положено, они это заслужили. Персональный состав согласуйте с Наркоматом вооружения. Проследите, чтобы штабисты не затянули оформление испытаний — нужно как можно скорее наладить изготовление аппаратов, они нам необходимы. И под-

готовьте от моего имени благодарность заводу, я подпишу вместе с представлением к наградам".

А в это время в Свердловске шла привычная работа в две смены по 12 часов. Напряжение предыдущих месяцев, вызванное завершением исследований и изготовлением опытной партии аэрофотоаппаратов, сменилось другим, не менее серьёзным — надо было без промедления осваивать их серийное производство. Ежедневно возникали новые проблемы, требующие немедленного решения. При необходимости люди работали сутками, иногда падая от усталости, но с завода не уходили.

Все, от директора и главного инженера до мастера и рабочего, понимали, что каждый потерянный день — это не только больше сбитых наших самолётов, но и недополученное командованием ценнейших данных воздушной разведки, а значит — меньше немецких эшелонов с танками, орудиями, боеприпасами будет уничтожено, больше наших солдат и офицеров погибнет, позже придёт долгожданная победа. Ведь практически у всех на фронте были родные и друзья.

Александр Александрович Новиков сдержал своё обещание, о котором, естественно, никто на заводе не знал. Группа работников завода получила правительственные награды, в том числе некоторые — орден Отечественной войны. По статуту этого ордена тогда им награждались за особые, конкретно перечисленные боевые заслуги только участники боевых действий, и лишь через 40 лет после окончания войны его получили все оставшиеся в живых ветераны. Главный инженер завода одессит Яков Давидович Гаузнер был награждён в 1944 г. орденом Отечественной войны I степени.

***

...Передо мной на столе стоит ящик из светлого дерева — одна из немногих релик-

Яков Давидович Гаузнер

вий, напоминающих мне об отце. Это набор для дешифрирования аэрофотоснимков. Отворачиваю крючки-фиксаторы и открываю крышку. В специальных гнездах, выложенных потёртой зелёной фланелью, лежат три лупы: большая с поворотной ручкой, двукратная; средняя, внутри складного трёхзвенного штатива, четырёхкратная (её ставят прямо на снимок); маленькая десятикратная, снабжённая измерительной шкалой с расстоянием между штрихами 1/10 мм (с её помощью определяются размеры объекта на снимке). Каждый аэрофотоаппарат из тех, о которых шла речь в этом рассказе, оснащён таким набором. Я представил, как в штабе авиационных войск с его помощью изучали результат полёта, связанного с риском для жизни лётчиков, и какие добрые слова говорились в адрес создателей аппаратов, среди которых не последнее место занимал мой отец. Светлая ему память!

Ида ГРОССМАН

Война глазами десятилетней девочки

Когда началась война, мне было 10 лет. Жили мы в городе Кривой Рог. Помню, как моя мамочка авторитетно заявила: "Такой промышленный город, как Кривой Рог, Сталин не отдаст немцам. На две недели мы должны будем уехать". "Так, значит, уехать, — подумала я. — А как же мои цветы? Они ведь засохнут". И стала примерять, как же взять их с собой. В качестве тары взяла портфель. "А несколько цветов возьму в руки", — решила я. Но когда после прогулки пришла домой, увидела, что мама выбросила из портфеля мои цветы, а вместо них положила трусы, майки — мои и брата. Я посчитала этот поступок ущемлением моих прав. Все вытаскала из портфеля, положив туда мулине. В 10 лет я кроме цветов любила рукоделие. Моя тетя Лиза, врач по специальности, большая рукодельница, принесла мне это мулине со словами: "Идочка, ты вышивай, а я буду воевать". С первых дней войны она была уже на фронте.

И вот мы в товарном поезде, едем в неизвестном направлении.

19 сентября моя мамочка меня разбудила со словами: "Ну что, Ида, собирай друзей, будем твой день рождения праздновать". Я посмотрела, что на импровизированном столе лежит горячая картошка, еще кое-что, что она смогла купить на останков. Я говорю: "А как же мы будем картошку есть? У нас ведь нет сливочного масла". Все стали смеяться. Ох, эти взрослые. Не всегда поймешь причину их смеха.

По дороге нас часто бомбили. Объявляли: "Тревога!" — и все выбегали из вагона. Я научилась определять по звуку, чей самолет летит. Как-то после объявленной тревоги я говорю: "Да это наши самолеты летят". На меня все зашикали, а я оказалась права.

И вот мы приехали на станцию "Дивная" Краснодарского края. "Всё, — сказали, — дальше не поедет". Перрон буквально весь был засыпан пшеницей, которую никто не убирал. Как видно, до нас тут был разбомблен эшелон, наполненный ею, который отправлялся в тыл.

Поселили нас в школе. Через некоторое время бомбежки участились. Всех взрослых отправили рыть окопы, детей же — на подсобное хозяйство. Подъехала телега, запряженная быками, и мы отравились. Мальчишка постарше был за водителя. Отъехал пару километров от станции, наши быки легли и ни за что не хотели вставать. Лежат невозмутимо и жуют свою жвачку. Не помню уж, сколько они прохладжались, но все же очень проголодались, а сдвинуть с места упряму животных никто не мог. Вдруг видим: идет мальчишка, маленький, лет семи — мужичок с ноготок, но с кнутом. Он подошел к быкам, хлестнул кнутом и как заматерится... быки встали и шли без остановки до самого подсобного хозяйства.

Участились бомбежки, и нужно было ехать в тыл. Дальнейший наш путь был на лошадах, запряженных в телеги. Мы ехали в одной подводе с семьей, у которой был маленький мальчик лет двух — трех. Днем мы ехали, а ночью останавливались в каком-то селении на ночлег. И вот этот мальчик, целый день смотрящий лошадам под хвост, утром, когда мы просыпались, выдавал: "Кони-кони какали?" И кто-то из хохмачей говорил: "От Советского информбюро". Все смеялись.

Стало холодно. Мы остановились в калмыцком селе Яшкуль. В такой глуши была русская школа, и я пошла в четвертый класс. Помню, идя утром в школу — темень, страшно, а в село иногда забегали волки. Каждый хозяин держал больших собак — волкодавов, которые так же выли, как волки, только их вой заканчивался лаем. Вот услышала после воя "гав-гав" — бегу дальше. Зато в школе было тепло, а в землянке, где мы жили, совсем холодно.

Калмыки тогда были в этом селе совсем дикими. Никаких хлебов или сараев для овец, коров и верблюдов у них не было. Они не купались, не стирали и жевали табак. Зимой носили зимний халат, летом — летний. Часто посещали они наш дом. Сядет в углу комнаты и спрашивает: "Тямке бене?" — "Табак есть?" А сам жуёт этот табак и без конца плюёт на противоположную стенку. С приходом весны они снимали зимний халат и надевали летний, а зимний выносили во двор и дубинкой били вшей — это которые были чистюлями.

Весной вся степь покрывалась тюльпанами, красными и желтыми — красота. И вот мы с подружкой пошли гулять в степь и забрели далеко, где находилось калмыцкое кладбище. Покойников они просто вывозят в саване в степь, не предавая земле. Мы так мчались назад... мимо проскочил сайгак, и кто кого больше напугал — неизвестно.

В мае мы поехали дальше к Астрахани. Стало очень жарко, мы изнывали от жары и жажды. Смотрим — на горизонте появилось огромное стадо. Чем ближе мы подъезжали, тем сильнее был смрад. Оказалось, огромное стадо коров погнало через соленые озера Эльтон и Баскунчак, животные пили соленую воду и на ходу околевали. Это зрелище у меня осталось в памяти на всю жизнь. Не помню, сколько мы ехали до Астрахани, но Волгу с ее чистой водой, в которой можно было выкупаться и напиться, помню. Еще не забыть астраханскую сельдь — заломы и ползуломы, которыми изо дня в день мы питались.

Остановились в Астрахани просто под забором, как цыгане.

В тот день, когда мы приехали, была первая бомбежка. Бомба попала в нефтяную баржу. Столб черного дыма стоял несколько дней, даже когда мы были уже далеко от Астрахани.

Теперь, с высоты прожитых лет, я понимаю, как у немцев было все предусмотрено, чтобы в тыл ничего ценного не дошло. Это и пшеница, и скот, и нефть... вот мы и голодали.

Итак, мы на Урале, в Свердловской области, город Сухой Лог. Что интересно, все жители этого села были Быковы. И как учитель истории нам объяснил, в древние времена тут жили идолопоклонники, которые поклонялись быку.

Мне уже было 12 лет, и мне все было интересно. И даже отсутствие комфортабельных условий не останавливало мою тягу к знаниям — делая уроки, вместо настольной лампы мы использовали деревянные лучины.

Говорили на Урале на русском языке, но было очень много слов непонятных. Такие слова можно встретить в произведениях Максима Горького. Лопатина — куртка, пимы — валенки, канава — забор, ведро — хорошая погода...

Пока было тепло, я ходила в школу. С наступлением холода — нет, т. к. не было теплой одежды.

Какое-то время мы жили у хозяйки. Позже для эвакуированных деревообделочный комбинат построил барак, куда мы и переехали. На этом комбинате и родители мои работали (у отца был белый билет, поскольку еще где-то в 1910 году, работая на шахте в г. Горловка, получил серьезные травмы). Барак был построен из сырых досок, было слышно и видно все в третью комнату. Но это не самое страш-

ное. Страшно было, что мы голодали. За стенкой у нас умирала молодая женщина от туберкулеза. У нее не было ни лекарств, ни должного питания.

Бывало, соберется детвора в так называемом холле, и все разговоры вертелись вокруг еды. Помню, как мой брат, у которого была дистрофия, говорил: "Вот я был глупый до войны — меня заставляли есть, а я не хотел".

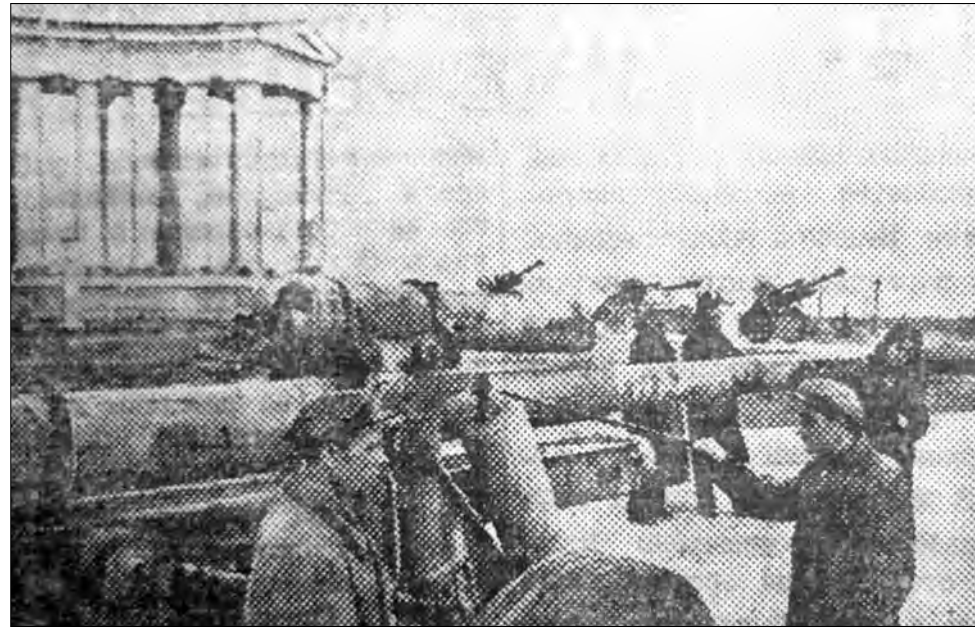
Через время отец устроился на работу в Одесское артучилище, которое было эвакуировано в Сухой Лог. Нам дали комнату, куда мы и переехали. И только тогда мы перестали голодать. Правда, ночью в нашу комнату приходили огромные крысы...

Наши окна выходили на свалку. Туда приходил мальчик, опухший от голода. Когда я в первый раз наелась хлеба, я зажала кусочек в руке и принесла ему. В дальнейшем, что бы нам мама ни оставляла, часть мы выносили ему. Прошло 70 лет с той поры, а этот мальчик и сейчас стоит у меня перед глазами.

В конце 1944 года Одесское артиллерийское училище вернулось в родные стены. Так и мы стали одесситами. Помню, проехали границу Украины, которая нас встретила белыми хатками, а детвора приветствовала нашу "неньку" криками "ура".

На этой радостной ноте хочу закончить свое повествование.

Всякое потом еще было в Одессе, но это уже другая история.

Трофейное вооружение, подбитое защитниками Одессы, снимок из газеты, фотограф В. Залесский, 1945 г. Фото предоставлено проектом "Старая Одесса в фотографиях", old.odessa.ua.